

УДК 930.1

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-139-155

Мысль на распутье: об Александре Александровиче Зимине

Евгений Б. Рашковский

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова
Российской академии наук,
Москва, Россия, eug.rashkov@gmail.com*

Аннотация. Статья представляет собой аналитические воспоминания об Александре Александровиче Зимине, выдающемся историке, сферой научных интересов которого была средневековая Русь.

Данная работа сочетает элементы личных воспоминаний и историографических рассуждений, связанных с тем, как А. Зимин рассматривал феодальные войны в России XV века. Эта точка зрения ученого противоречила официальной советской доктрине того времени.

В статье говорится, что А.А. Зимин считал относительно короткий период феодальных войн XV в. в России одним из поворотных моментов в цивилизационной, социальной, гражданской и культурной истории страны.

Автор пытается реконструировать одну из последних бесед с Александром Зиминим (лето 1978 г.). Согласно точке зрения профессора А. Зимина, противоречивые отношения между двумя российскими социокультурными архетипами – помещиками и крестьянами – являются одной из ключевых проблем российской истории в целом.

В статье обращается особое внимание на невысказанную до конца А.А. Зиминим интерпретацию истории российской интеллигенции от «допетровского» и «после петровского» времени до наших дней.

Ключевые слова: мемуары, А.А. Зимин, Московский государственный историко-архивный институт, кружок источниковедения, Учитель, ученики, российская история

Для цитирования: Рашковский Е.Б. Мысль на распутье: об Александре Александровиче Зимине // История и архивы. 2021. № 1. С. 139–155. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-139-155

The Crossroads of Thought. Commemorating Alexander A. Zimin

Eugene B. Rashkovskii

*National Research Institute of World Economy and International Relations
named after Eu.M. Primakov of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, eug.rashkov@gmail.com*

Abstract. The article is a kind of analytical reminiscence concerning Alexander A. Zimin, an outstanding historian whose sphere of research was medieval Rus’.

The paper combines the elements of personal reminiscences with some features of historiographic narration concerning Zimin’s analysis of the Russian 15th century feudal wars in its contrast with official Soviet historical thinking during Zimin’s life.

It deals with Zimin’s understanding of the relatively short period of Russian 15th century feudal wars as one of the crucial periods of the civilizational as well as social, civil and cultural history of this country.

The author tries to reconstruct one of his last conversations with Alexander Zimin (summer 1978). According to prof. Zimin, the complicated collision of the two Russian socio-cultural archetypes – “landowners” and “peasants” – is one of the focal issues of Russian history as a whole.

The paper pays special attention to A.A. Zimin’s half-hidden interpretation of the whole story of the Russian intelligentsia from the Pre-Petrine as well as Post-Petrine times up till now.

Keywords: memoires, A.A. Zimin, Moscow State Institute for History and Archives, source studies hobby club, Teacher, disciples, history of Russia

For citation: Rashkovskii, E.B. (2021), “The Crossroads of Thought. Commemorating Alexander A. Zimin”, *History and Archives*, no. 1, pp. 139–155. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-139-155

Предлагаемый читателю текст – текст своего рода мемуарный, однако выдержанный в особом ключе. Этот мемуарный жанр я опробовал в своей недавней книге воспоминаний¹ и определяю его задним числом как *концептуальные мемуары*, т. е. мемуары, полагающие во главу угла не события и даже не психологические характеристики, но нечто иное и более важное для меня: строение и течение мысли.

¹ Рашковский Е.Б. Философская планета Арбат: Книга воспоминаний. М.: Новый хронограф, 2019. 224 с.

I

Имя Александра Александровича Зимина стало известно мне, в те годы студенту Московского государственного историко-архивного института, еще в начале 1960-х гг. По публикациям его трудов мы учились; Александр Александрович неоднократно выступал на заседаниях руководимого Сигурдом Оттовичем Шмидтом кружка источниковедения, со временем ставшего в своем роде легендарным; я дружил с преданными учениками Александра Александровича – Евгением Бешенковским, Евгением Добрушкиным и Валерием Мингалевым. Кроме того, и жена моя – Мария Рашковская – под руководством Александра Александровича защитила с отличием дипломную работу, посвященную еще не опубликованным в те годы мемуарам замалчиваемого в советские годы и лишь недавно всерьез оцененного русского историка, социолога и философа – Николая Ивановича Кареева (1850–1931)².

Стремительная пластика движений Александра Александровича, его эрудиция и интеллектуальная сила, лекторский дар и человеческое обаяние³ – все это не могло не привлекать к нему сочувственное внимание людей. И тем более возросло мое сочувствие Зимину, когда он стал объектом воистину государственной травли в связи с его разысканиями в области истории и текстологии «Слова о полку Игореве». И это притом, что сам я не мог уверовать в его «деконструкцию» этого памятника древнерусской словесности. «Игорева» проблема куда сложнее, нежели проблематика таких явных фальсификатов, как, скажем, песни Оссиана или Краледворская рукопись. И были моей неуверенности две причины:

- на мой (сугубо личный!) взгляд, источниковедческой работе Александра Александровича над историей «Слова» недоставало лингвистической, а также и тюркологической базы;
- эта работа казалась мне тогда, да и сейчас кажется, образцом гиперкритического подхода к сложному и многослойному историческому тексту.

² Ссылки на эту дипломную работу см.: *Bardach J. Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX – początku XX wieku: N.I. Kariejew // Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX–XX wieku. Warszawa, 1980. S. 104–154.*

³ Мой прежний коллега по библиографической части – историк и философ Юрий Владимирович Цейтлин (1921–2003) – считал Александра Александровича одним из самых доброжелательных и отзывчивых людей, с которыми ему приходилось встречаться в жизни.

И все же, оба эти обстоятельства не могли поколебать мое преклонение перед историком и его трудами. И – по целому ряду причин.

- Травля ученого за его небанальные и неортодоксальные воззрения всегда казалась мне кощунственной.
- Гиперкритический подход – подчас сам по себе не вполне удачный – несомненная часть общей эвристики анализа великих памятников истории человеческого духа. Это касается и философии, и религии, и поэзии, и искусства. Скажем, преодолены многие гиперкритические крайности и в трактовке платоновского вопроса, и в ветхозаветной критике, и в текстологии Четвероевангелия. Однако даже сами эти крайности, повторяю, оказались мощными эвристическими стимулами для науки.
- Попытки критического анализа великих древних текстов приоткрывают вопрос о возможном множестве более поздних наслоений в их многосложной исторической судьбе.

Так я полагал почти шесть десятков лет назад; при таком же мнении остаюсь и поныне.

Времена, правда, стояли в те поры почти что вегетарианские. Не чета нынешним. Александра Александровича физически не тронули, не превратили в безработного, не *вытерли* за пределы России. И даже в 1970 г. удостоили тогдашней массовой медали «К столетию со дня рождения В.И. Ленина»... И все же, как я наблюдал в те годы, Александра Александровича мучила доносная критика «игровой» концепции (на государственную-де святыню, некогда одобренную Марксом, покусился). К тому же и жилищные условия (сыроватая, плохо освещенная солнцем квартира на первом этаже) также здоровья не прибавляли...

Третируемый в своем отечестве, он радовался письмам одобрения со всего света: как тут не вспомнить стихотворение Бориса Пастернака «Божий мир», написанное поэтом за полтора года до кончины:

Ну, а вы, собиратели марок!
За один мимолетный прием,
О, какой бы достался подарок
Вам на бедственном месте моем!

Не только самим письмам, но и маркам и видовым открыткам он радовался, почти как ребенок...

По своей научной специализации я не медиевист и не специалист по историческим сюжетам допетровской Руси. Однако – с точки зрения субъективной и при всем моем преклонении перед

его монографией об опричнине⁴ – наиболее близким и понятным мне среди исследований Александра Александровича считаю его небольшую, посмертно изданную монографию «Витязь на распутье». Монографию, во многом вдохновленную трудами Александра Александровича над наследием великого Ключевского.

II

На мой взгляд, вышедшая посмертно (первое издание – 1991 г.) книга Зимина «Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в.» – одно из интереснейших произведений отечественной историографии.

Сама историческая наука предстает в этой книге в некоем особом, двойственном свете:

- с одной стороны, история – несомненная, но притом особая повествовательная и одновременно аналитическая наука, ориентированная на тщательную работу с источником и на анализ предшествующей историографической традиции;
- с другой же стороны – это, как было со времен Геродота, мусическое искусство, опирающееся на принципы изящества нахождения, отбора и согласования фактуальных данных, изящества повествования и осмысленной оценки повествуемого.

Однако, при всем при этом, есть еще одна важная сторона подлинного историографического творчества⁵: его призвание – в той

⁴ На общеисторической ценности этой монографии, наряду с трудами С.Б. Веселовского, настаивал в разговорах со мной замечательный востоковед – академик Нодари Александрович Симония (1932–2019): абсолютный, сам себя сакрализовавший властитель, опирающийся в своем восхождении на разные пласты «номенклатуры», со временем переходит к жестоким «чисткам» этой самой «номенклатуры». В ходе этих «чисток» рикошетом доходит дело и до истребления собственного народа... См. в этой связи очерк Зимина «Несравненный Степан Борисович» в кн.: Александр Александрович Зимин / Сост.: В.Г. Зимина и Л.Н. Простоволова. М.: РГГУ, 2005. С. 58–73.

⁵ Употребляю понятие историографии в том смысле, в каком употреблял его дон Бенедетто Кроче: как комплекс трудов по научному, философскому и эстетическому постижению истории как таковой. Однако, согласно Кроче, процессы такого постижения смыслов и сути времен не даны в отрыве от исследовательской работы над конкретным историческим наследием. Иными словами – над документом. См.: *Croce B. Filosofia come scienza dello spirito. Vol. 4: Teoria e storia della storiografia*. 6th ed. riv. Bari: Laterza & Figli, 1948. P. 129–138.

или иной мере откликаться на запросы окружающей гражданской и культурной жизни, не угождая при этом текущим настроениям и «направлениям».

Сам процесс выявления, исследования, подачи и осмысления материала требует некоторой органичной согласованности. Ибо исторические труды создаются не только для узкой группы спецов (в этом – их особая ценность), но и для большого круга читающих и мыслящих людей. И, думается, труд Александра Александровича о феодальной войне на Руси XV столетия вполне отвечает всем этим сложным и трудно согласуемым между собой критериям. И, более того: эта книга Зимина несет в себе несколько ценнейших уроков для всей последующей культуры исторического мышления и исторических исследований.

Сколь бы ни разнились конкретные темы, направления, методики и процедуры исторических исследований, всех их так или иначе объединяет одна непреложная проблема: проблема *единства человеческого времени*, проблема многозначной контекстуальной связи явлений, событий, процессов и сознаний на оси времен⁶.

Так вот, насыщенная теоретическими интуициями и нарративным мастерством книга Зимина поражает дотошностью и мастерством фактографических разработок. Поражает его умение хронологически, топографически и даже психологически распутывать нюансы и хитросплетения русских феодальных войн по кратким, отрывочным, друг другу противоречащим и чаще всего тенденциозным источникам (прежде всего, по материалам летописания). И ведь вся эта ювелирная документальная и источниковедческая обработка массы источников и историографического материала осуществлялась Александром Александровичем еще в докомпьютерный период истории нашей исторической науки. Чего стоит одна лишь работа по уяснению генеalogий, интриг, последовательности территориальных перемещений, столкновений, войн, подвижек границ и замирений князей и князьков Северо-Восточной Руси и сопредельных ей земель! И эта нюансированная работа исследователя не только не мешает читателю в усвоении реконструируемого Зиминим исторического материала, но – напротив – делает чтение книги процессом особо насыщенным и увлекательным.

⁶ Были, разумеется, исследователи и мыслители, отрицавшие эту контекстуальную связь и трактовавшие судьбы конкретных культурно-исторических конфигураций как судьбы замыкающихся на себе «монад». Таковы Н.Я. Данилевский или О. Шпенглер, таковы и нынешние их эпигоны. Однако сам навязчивый характер их теоретических деклараций и отчасти даже – привоимый ими компилятивно подобранный материал лишь невольно подчеркивали непреложность этой осознанной или неосознанной связи.

Далее, еще один ценнейший урок, преподаваемый нам книгой Александра Александровича, – урок понимания цивилизационной динамики мира и, в частности, истории российской во всей сложности ее эко-географических, экономических, социальных, этнических и религиозных предпосылок.

Вслед за Ключевским Зимин рассматривает историческую динамику возвышения Северо-Восточной Руси, а с ним – и становления великорусской нации в широком контексте сложной и запутанной истории народов Европы, Ближнего Востока, Поволжья, Евразийской степи⁷. Так или иначе, Зимин фиксирует не только прямую и многозначную вовлеченность в этот процесс ближайших соседей Москвы и сопредельных ей княжеств, Орды и Великого княжества Литовского, но и вовлеченность опосредованную: это касается судеб Ливонского ордена, Ганзейских городов, агонизирующей Византии и набирающей силы Османской империи, Генуи, Папского Престола...

Цивилизационный, или «культурно-исторический», ракурс истории – не более чем ракурс синхронный. В советские годы в нашем историческом сознании господствовал абсолютный упор на историю диахронную. Этот упор велеречиво именовался «марксистско-ленинской теорией общественно-экономических формаций». В постсоветский же период возобладал столь же абсолютный синхронистический подход, именуемый «цивилизационной теорией». Она же – и теория почти что выпадающей из мировых контекстов российской цивилизации. В обоих случаях забывалось, что любой научный концепт – будь то «формация», будь то «цивилизация» – всегда конвенционален. Теоретические концепты могут быть сколь угодно проникновенны и устойчивы. Но тем не менее их природа – всегда конвенциональна и наводяща [Кузнецова, Розов, Шрейдер 2012].

Во всяком случае, как бы ни были своеобразны в своей структуре и содержании большие культурно-исторические общности, включая и нашу, российскую цивилизационную общность, – они

⁷ Вот характерный приводимый Александром Александровичем эпизод. Вторгшиеся в 1449 г. в пределы княжества Московского воины-кочевники («скорые татарова»), руководимые Сеид-Ахмедом (сыном не столь давно разорившего Москву ордынского хана Тохтамыша) были разгромлены на берегах р. Пахры силами стоявшего в Звенигороде татарского гарнизона, верного Москве (см.: *Зимин А.А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. С. 136).

всегда созидаются, живут и развиваются в процессах напряженного и подчас интенсивного взаимодействия с окружающими общностями, а через это взаимодействие – и с процессами общемирового порядка.

Развитие конкретных, устоявшихся в истории цивилизаций всегда ознаменовано процессами межцивилизационного со-развития (в современной мировой литературе: *co-development*, *co-desarrollo*) [Рашковский 2016, с. 137–164]. Причем процессами со-развития могут определяться не только прогрессивные, но подчас и деградационные тенденции в жизни цивилизаций.

Специфика же цивилизационного становления средневековой Руси, зажатой между периферийным Востоком (Золотая орда) и периферийным Западом (Великое княжество Литовское), и есть, по существу, один из важнейших – если не самый важный – предметов монографии Александра Александровича.

И, наконец, еще один преподанный Зиминым урок, касающийся диахронного плана истории и прежде всего – истории отечественной.

При жизни Александра Александровича в нашей официозной исторической науке господствовал трехчленный «формационный» взгляд на историю страны:

- «феодализм» (от Киевских князей до эмансипационного Манифеста 19 февраля 1861 г.),
- капитализм (от Манифеста об отмене крепостного права до ночи Октябрьского переворота),
- социализм как предварительная стадия мифического коммунизма: от 25 октября (7 ноября) 1917 г. и – навсегда.

Но вот зиминские исследования истории феодальных войн XV столетия на Руси исподволь взламывали всю инфантильную стройность этой схемы. Действительно, это были подлинные феодальные войны, предшествующие абсолютистской централизации и концентрации власти. Войны, одновременные, скажем, с истребительной войной Алой и Белой Роз в Англии (1456–1485) или с кровавым округлением королевского домена и собиранием земель будущей «единой и неделимой» Франции Людовиком XI и Карлом VIII.

Однако феодализм на Московской Руси выдался особый: не феодализм наследственных и юридически закрепленных сеньориально-вассальных отношений, но феодализм распределяемой и перераспределяемой с одобрения ордынских завоевателей власти потомков Ивана Калиты⁸. Так что российский феодальный аристократ,

⁸ Исторически обреченный республиканский строй Великого Новгорода, Пскова и Вятки – особая проблема: проект средневекового

в отличие от западных его собратий, не имел возможности вращаться в подвластные ему земли, не имел глубоких связей с подвластным ему населением. Принцип “noblesse oblige” на Руси не привился. Подобно будущим воеводам на «кормлениях», губернаторам или первым секретарям обкомов, феодал на Руси оказывался вольным или невольным назначенцем из Центра. «Удельные» компетенции князей на местах оказывались вещью эфемерной и временной. Что и не замедлило отзываться «кровавым заревом опричнины»⁹.

Действительно, в общей перспективе феодально-княжеские усобицы обернулись традицией войны централизованного государства против собственного народа. По существу, указывает Александр Александрович, ликвидация московскими государями – Василием III, Иоаннами III и IV – «гнезда Калиты» и превращение населения великокняжеского «домена» в сонмище бесправных обитателей *de facto* государевой «вотчины» знаменовало собой процесс крутой ориентализации (ориентализации организационной и политической) Государства Российского¹⁰. И неслучайно исследователи и публикаторы трудов Александра Александровича обратили внимание на этот важнейший аспект его исторических воззрений¹¹.

аристократического республиканизма был не национальным, но, скорее, локальным.

⁹ Зимин А.А. Витязь на распутье... С. 210.

¹⁰ Там же. С. 160–169.

¹¹ См.: Кобрин В. Б., Лурье Я. С., Хорошкевич А. Л. Послесловие // Там же. С. 217. Боюсь только, что трое замечательных и преданных делу ученых-комментаторов не вполне разобрались в учении о «восточном деспотизме» Карла Августа Виттфогеля (1896–1988) – старого коминтерновца и антифашиста, – волею судеб оказавшегося на склоне жизни в американском консервативном стане вследствие наката леворадикальных и восточофильских настроений среди западной профессуры. Ибо речь у Виттфогеля идет не просто о «гидравлических обществах» во главе с царями-первосвященниками, но о той исторически обусловленной *социотехнике*, которая сложилась в лоне великих речных цивилизаций Древнего Востока и – *mutatis mutandis* – передалась цивилизациям, скажем, имперского Рима, Византии, империям Чингисидов или Османов. Базовые черты политической культуры древних речных цивилизаций, передававшиеся остальному миру, строились на основе древнего синкретического сочетания двух управленческих функций: теократической и технократической (см.: Dorn H. The Geography of Science. Baltimore; L.: J. Hopkins Univ. Press, 1991. XX, 219 p.). О чертах «гидравлического общества» в Древнем Израиле, т. е. на политической периферии великих речных цивилизаций Востока, см.: [Рашковский 2016, с. 97–99].

Итак, наш российский «витязь», пройдя беспощадное «распутье» феодальных войн XV столетия, вольно или невольно выбрал путь ориентализированного московского «единодержавия» (термин самого Зими́на). Истоки российской государственно-политической ориентализации (если следовать логике Александра Александровича – не только в силе внешних влияний (Орда, ориентализованная Византия [Старостин 1975], но и тот «дефицит правопонимания»¹², которым оказалась пронизана политическая и гражданская история нашего Отечества.

И все же – страна и народ живы не только государственностью и властью, но и силою духовного и культурного опыта поколений. И вот один из ярких примеров на сей счет, приводимый Александром Александровичем.

Последний, как бы предсмертный, расцвет, как бы «бабье лето» уходящих новгородских вольностей, завершившийся кончиной архиепископа Евфимия (1458 г.), ознаменован и последним всплеском новгородской культуры, оставившей, на взгляд Зими́на, благотворный след в последующей культурной истории России¹³...

Каковы бы ни были исторические злоключения отечественного «феодализма», – история многомерна и исполнена внутренними смыслами... Все изложенное выше и заставило меня обратиться к воспоминанию об одном лишь дне общения с Александром Александровичем.

III

Итак, об этой встрече хотелось бы рассказать особо. Тем паче что она оказала немалое влияние на последующую мою жизнь.

Летом 1978 г. мы с женой навестили наших друзей, Евгения Михайловича и Наталию Исаковну Добрушкиных¹⁴, снимавших дачу в деревне Тупиково, что на берегу подмосковной речки Десны. Александр же Александрович снимал дачу по соседству и часто заходил к Добрушкиным.

Немного ранее этой нашей встречи он работал над очерком «Две цивилизации в истории России» (1976–1977), в коем, между

¹² Термин, обоснованный и варьируемый в трудах современного русского философа Э.Ю. Соловьева. См., например: *Соловьев Э.Ю.* Личность и право // Вопросы философии. М. 1989. № 8. С. 67–89.

¹³ См.: *Зимин А.А.* Витязь на распутье... С. 178.

¹⁴ Е.М. Добрушкин (1945–2019) – археограф и филофонист, знаток старинной европейской музыки. О Евгении Михайловиче вспоминал и сам Зимин. См.: *Зимин А.А.* Дети становятся взрослыми // Александр Александрович Зимин... С. 78–79, 107–109.

прочим, говорится: «Русская дворянская цивилизация XIX в. – особый культурно-исторический мир, безвозвратно исчезнувший, вариант западной культуры, выросший на почве крепостного права в России»¹⁵. Социологическая характеристика проблемы здесь безупречна. Но вот с точки зрения истории человеческого духа и ее наработок сквозь века и века – здесь возможно множество вопросов¹⁶. Тем паче что нынешнее человечество уже переросло вопросники традиционно-аграрных цивилизационных отношений. Ибо социокультурная обреченность и вклад уходящих классов в глобальную динамику человеческого духа могут быть сколь угодно сближены в конкретной истории, но все же принадлежат они несхожим смысловым измерениям исторического бытия. И в осмыслении этого клубка противоречий приходят нам на помощь труды Гердера, Гегеля, Вл. Соловьева, Кроче или Тойнби, размыкающие представления о замкнутых в себе цивилизациях и культурах...

...Физически это был уже не прежний Зимин. Куда девались его прежняя худоба, стремительность речей и движений? – Передо мной стоял уже почти что другой человек: рыхлый, пополневший, медлительный, хриплый. Но – по-прежнему углубленный в труды постижения истории. Он сказал, что давно прочел мой «бестселлер», посвященный моментам цикличности и прерывности в истории [Рашковский 1976], и хотел бы немного побродить со мною по берегу Десны.

Говорил в основном он, а я слушал, почти не делая реплик. С тех пор прошло четыре с лишним десятка лет, но многое из тогдашнего разговора запомнилось навсегда. По крайней мере, три темы в этом разговоре. Так что, естественно, речения Александра Александровича, приводимые ниже, – речения не прямые, но, говоря по-научному, «апокрифические». И привожу их своими словами, в условной косвенной речи.

Тема первая. Как известно, по материнской линии Александр Александрович был потомком одного из екатерининских «орлов» – фельдмаршала графа Михаила Федотовича Каменского (1738–1809), высокообразованного, но жестокого самодура, зарубленного своими же крепостными.

¹⁵ Зимин А.А. Две цивилизации в истории России // История России XIX–XX вв.: Новые источники понимания / Под ред. С.С. Секиринского. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 17.

¹⁶ Здесь я согласен с покойным философом Карлом Моисеевичем Кантором, автором весьма спорной монографии о Маяковском: необходимо различать историю «социокультуры» и историю духа как глубинный стержень собственно Истории (см.: Кантор К.М. Тринадцатый апостол. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 92–94).

Не веривший в православную традицию, но все же принимавший на веру библейские речения о грехах отцов, падающих на их потомство¹⁷, Александр Александрович связывал свои собственные страдания и страдания своих родных с некоей «кармой», восходящей к злодеяниям фельдмаршала и к той государственной расправе, которой подверглись триста его крепостных.

Я пытался было возразить, что грехи отцов – это не автоматическая «карма», но социокультурная среда, которая отравлена безрассудством и своеволием отцов. И вообще, меня несколько смущала излишняя его категоричность в оценках наследия дворянской российской культуры, или, по его терминологии, «дворянской цивилизации». Наследия, без которого невозможно и существование нынешней России. Как невозможно оно и без «рабовладельца» Пушкина.

Александр Александрович не соглашался. И лишь много позднее до меня, наконец, дошло, что дело здесь не в «карме», но в сострадании ученого мученикам былых и нынешних поколений. Формально я был прав в нашем споре, но не прав по существу. Ибо, согласно исторической интуиции Александра Александровича, историк отвечает за несправедливости и страдания не только в своей собственной культурно-исторической среде, но и в средах изучаемого им непреложного прошлого. Отвечает за страдания отошедших поколений.

Иными словами, ситуативно необратимая история таит в себе моменты обратимости нравственной.

Вообще, Александр Александрович и в искусстве особо ценил тему человеческого сострадания. Он, так любивший кино¹⁸, неоднократно говорил мне, что любимый его фильм – «Дневные звезды» с восхищавшей его Аллой Демидовой в главной роли¹⁹. Фильм, где сходятся не только три трагических эпизода русской истории (опричнина, сталинская диктатура, ленинградская блокада), но и тема противления духа историческим напастям. И душа этой последней темы в фильме – чтение Демидовой стихов ленинградского цикла Ольги Берггольц.

На мой взгляд, это чувство *исторического сострадания* наиболее ярко выражено именно в его книге об опричнине, продолжающей не только трактовку Ключевского и Веселовского, но и карамзинскую, этическую трактовку проблемы.

¹⁷ Исх 20:5; Лев 26:36-41.

¹⁸ См.: Зимин А.А. Кино // История России XIX–XX вв. С. 27–28.

¹⁹ Мосфильм, 1966. Режиссер – Игорь Таланкин. Сценарий Ольги Берггольц и Игоря Таланкина. Музыка Альфреда Шнитке.

Ныне, когда так усердно замазываются злодеяния отечественного прошлого, чувство исторического сострадания представляется мне особо актуальным. И – духовно насущным...

Тема вторая. То было время массового исхода разноплеменной российской интеллигенции из Советского Союза. Всеми правдами и неправдами люди добивались приглашений из Израиля от подлинной или мнимой родни; возможности эмиграции были открыты для реальных или мнимых евреев, но также – по иным каналам – и для других меньшинств: немцев, испанцев, греков, армян. Кроме того, участились случаи «невозвращения» командированных на Запад советских спецов, артистов, но также и туристов.

В разговоре со мной Александр Александрович решительно возражал против массового отъезда интеллигенции из России, делая, однако, исключение для тех, кто направляется не на Запад, но именно в Израиль: плодотворная, но полная опасностей жизнь в Израиле (как, впрочем, и в России) требовала, по его словам, немалого риска и внутренней убежденности.

Исход же интеллигенции из России на Запад он именовал «великим драпом»²⁰ в поисках безопасности и житейских благ. Его мучила печаль о человеческом оскудении страны.

Сам же я, связавший свою судьбу именно с российским выбором, возражал против подхода Александра Александровича: человек имеет право на свободу и счастье. В том числе, и на свободу от безнаказанности, пренебрежения, глумления и агрессивных придилок со стороны деспотического государства, каковые я и сам «вкусил» и продолжал «вкусать» в те годы.

Однако ныне, по прошествии долгих четырех с лишним десятилетий, я несколько иначе смотрю на тогдашний спор с Александром Александровичем.

И поныне я остался верен прежнему взгляду на свободу как на основную ценность человеческой истории и, по словам дона Бенедетто Кроче, как на основной объяснительный принцип истории²¹. Однако Александр Александрович исходил из иной оптики исторического понимания: он с особой остротой видел некую *болеву причастность* любой человеческой судьбы судьбам других людей. Короче, моему принципу исторической свободы он противопоставил свой принцип исторической ответственности.

Теоретически оба эти принципа (прежде всего как принципы познавательные) находятся в состоянии необходимой взаимной дополнительности. Ибо свобода и ответственность во внутрен-

²⁰ Зиминский неологизм от просторечного глагола «драпать».

²¹ Эта проблема подробно рассматривается в моих книгах: [Рашковский 2005; Рашковский 2016].

нем опыте человека взаимно соотнесены, одна без другой не даны. Однако в трактовке конкретно-исторических сюжетов они могут драматически расходиться, как это и случилось в нашем кратковременном споре на берегах Десны.

Вообще, историческое познание глубоко антиномично. Антиномии же свободы и ответственности перед Богом, людьми и самой историей – антиномии не просто теоретические, но пронизывающие – если вспомнить Канта – и область «практического разума». А иной раз – на каждом шагу, на каждом повороте наших жизненных путей.

Тема третья касается уже самой смысловой структуры российской истории.

Александр Александрович говорил о некоей волнообразности послепетровской отечественной истории: о чередовании доминировавших в ней двух противоборствовавших менталитетов. Первый он условно определял как дворянский, второй – как крестьянский.

В первом, освобожденном от житейских тягот подневольным крестьянским трудом, сильны были мотивы креативности и волюнтолюбия – вплоть до своеволия²²; во втором господствовали черты традиционализма, патернализма, коллективизма – вплоть до стадности. Иное дело, что доминирование крестьянского менталитета во властных структурах судьбам конкретного мужика или «маленького человека» ничего особо доброго не сулило²³.

Что же касается волнообразного чередования этих двух господствовавших в послепетровской истории российской культурно-психологических архетипов, то Александр Александрович выстроил передо мной две как бы царственные генетические ее спирали:

Екатерина II – Александр I – Александр II – отчасти даже (и с учетом явных элементов социокультурной деградации) Николай II²⁴;

²² Разумеется, если вспомнить труды другого замечательного российского историка, Н.Я. Эйдельмана (1930–1989) – Александр Александрович вполне отдавал себе отчет в антагонизме дворянской культуры стародумов, правдиных и милонов и – дворянского бескультурья простаковых-скотининых. Иное дело, что этот антагонизм – как это было в случае с образованным, но жестоким и беспардонным фельдмаршалом Каменским – мог пронизывать и конкретные судьбы.

²³ Кстати сказать, на это историческое обстоятельство обращал внимание в беседах со мной серьезнейший историк-китаист Олег Ефимович Непомнин [Рашковский 2016, с. 98–99].

²⁴ И это высказывалось в тот период, когда страна уже вынуждалась историей dorастать до эмансипационного «царствования» (то бишь президентства) М.С. Горбачева, во многом опиравшегося на передовую интеллигенцию как западного, так и «почвенного» толка...

Павел I – Николай I – Александр III – диктатура большевиков²⁵...

Что же касается тех существенных моментов отечественной истории, которые связаны с историей русской интеллигенции, то Александр Александрович толковал эти моменты нашего разговора примерно так.

Если отнести к истории русской интеллигенции не историю продажных перьев и голосов и не историю маргинализированных и озлобленных «умственных» люмпенов, то судьба русской интеллигенции (т. е. совестливых, умелых и собственными трудами живущих людей), включая и русифицированную еврейскую ее часть, была связана с продолжением именно дворянской линии русской истории и культуры²⁶. Возможно, это обстоятельство и заставляло Зимина так тяжело переживать великий интеллигентский «драп» последних десятилетий его жизни. Ибо речь шла о непоправимом духовном и социальном оскудении самой тогдашней – да и последующей – России.

Роковой для страны, хотя и во многом обусловленной и обескровленной особой жестокостью российского крепостничества, характер диктатуры большевиков, сумел мобилизовать – на погребель самому крестьянству – низменные стороны крестьянского архетипа: духовную уравниловку, ксенофобию, завистливую оглядку на соседа. И как раз – мобилизовать в ущерб творческим сторонам крестьянского быта – жизненной стойкости, способности к личной и подчас групповой самоподдержке. И все это – судя по тогдашней нашей беседе – сознавалось Александром Александровичем вполне отчетливо...

Эта зиминская точка зрения представляется мне более гибкой и диалектической, нежели точка зрения американского историка и социолога Бэррингтона Муура (1913–2005), отдавшего почти прямолинейное предпочтение архетипу крестьянскому, отчасти сведенному к требованиям внешней справедливости [Moore 1966]. Этот же подход – однако в более тонком и источниковедчески обоснованном исполнении – был позднее воспроизведен в крестьяноведческих трудах Теодора Шанина (1930–2020)...

...С тех пор прошли годы и годы. Многое из услышанного мною на берегах Десны высветилось в посмертных изданиях трудов Александра Александровича.

²⁵ Неосоветская реставрация начала нынешнего века уж тем паче была впереди...

²⁶ Ср. с соответствующей концепцией М.О. Гершензона, изложенной на страницах «Вех». Правда, в устном дискурсе Александра Александровича напрочь отсутствовали гершензоновские обличительные и покаянные обертоны...

Мне же остается только сожалеть о том, что жизнь Александра Александровича, не успевшего разменять даже седьмого десятка, оборвалась так рано. Но благодарю судьбу за то, что этот краткий, описанный выше разговор дал мне возможность хотя бы на самую малость приобщиться к еще скрытой в те поры творческой лаборатории великого российского историка.

В жаркий июньский день 1967 г., после успешной защиты моей женой Марией дипломной работы²⁷ – уже поздним вечером и чуть-чуть навеселе – мы навестили Александра Александровича. Визит был кратким. На прощание он сказал: «Наша дружба будет всегда».

Мы недоумевали: какая может быть дружба между маститым ученым и нами – еще почти что несмышленишками в науке?..

Однако человеческое слово имеет свойство укореняться в вечности. И этот краткий текст – некоторая попытка оправдать великодушную фразу великого российского историка.

17.09.2020

Литература

- Кузнецова, Розов, Шрейдер 2012 – *Кузнецова Н.И., Розов М.А., Шрейдер Ю.А.* Объект исследования – наука. М.: Новый хронограф, 2012. 560 с.
- Рашковский 1976 – *Рашковский Е.Б.* Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А.Дж. Тойнби: опыт критического анализа. М.: Наука-ГРВЛ, 1976. 198 с.
- Рашковский 2005 – *Рашковский Е.Б.* Осознанная свобода: материалы к истории мысли и культуры XVIII–XX столетий. М.: Новый хронограф, 2005. 253 с.
- Рашковский 2016 – *Рашковский Е.Б.* Философия поэзии, поэзия философии. СПб.: Алетейя, 2016. 310 с.
- Старостин 1975 – *Старостин Б.А.* Византийская наука в контексте средневековой культуры // Античность и Византия. М.: Наука, 1975. С. 386–398.
- Moore 1966 – *Moore B., Jr.* Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in Making of the Modern World. Boston: Beacon Press, 1966. XIX, 559 p.

²⁷ Защита не была безоблачной. Был поставлен вопрос – по тогдашним временам «политического» свойства: как осмелилась дипломница выгораживать идеалиста Кареева, не согласного с «монистическим взглядом на историю» и которого разоблачал «сам» Плеханов – первый русский марксист? А ведь Кареев и впрямь усматривал в истории не монистический, но многофакторный процесс...

References

- Kuznetsova, N.I., Rosov, M.A. and Schreider, Yu.A. (2012), *Obyekt issledovaniya – nauka* [The object of research is science], Novyi hronograf, Moscow, Russia.
- Rashkovskii, E.B. (1976), *Vostokovednaya problematika v kul'turno-istoricheskoi kontseptsii A.J. Toynbee: opyt kriticheskogo analiza* [The oriental studies issues in the cultural and historical concepts of A.J. Toynbee. The critical analysis essay], Nauka – Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, Moscow, Russia.
- Rashkovskii, E.B. (2005), *Osoznannaya svoboda: materialy k istorii mysli i kultury XVIII–XX stoletii* [Perceived freedom. Papers on the history of thought and culture of the 18th – 19th centuries], Novyi chronograph, Moscow, Russia.
- Rashkovskii, E.B. (2016), *Filosofiya poezii, poeziya filosofii* [Philosophy of poetry, poetry of philosophy], Aletheia, Saint Petersburg, Russia.
- Starostin, B.A. (1975), “Byzantine Science in the Context of Medieval Culture”, *Antichnost' i vizantiya* [Antiquity and Byzantine], Nauka, Moscow, Russia.
- Moore, B., Jr. (1966), *Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in Making of the Modern World*, Beacon Press, Boston, USA.

Информация об авторе

Евгений Б. Рашковский, доктор исторических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23; eug.rashkov@gmail.com

Information about the author

Eugene B. Rashkovskii, Dr. of Sci. (History), National Research Institute of World Economy and International Relations named after Eu.M. Primakov of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997; eug.rashkov@gmail.com